DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237

Научная статья / Research paper

Д.А. Садаков*

ФАКТОР США В ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1940–1970-Е ГОДЫ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Вятский государственный университет»
610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Обычно политику США на Корейском полуострове в годы холодной войны рассматривают через призму логики биполярного противостояния и советско-американской борьбы за сферы влияния. Между тем международные взаимодействия на уровне корейской региональной подсистемы не сводились к жесткому размежеванию государств на два противоборствующих лагеря и характеризовались большей сложностью и непредсказуемостью. В настоящем исследовании предпринята попытка показать, что политика США была определяющим, но далеко не единственным фактором в становлении и развитии региональной подсистемы международных отношений на Корейском полуострове и корректировалась с учетом действий иных акторов. В первом разделе статьи выявляется тенденция к трансформации относительно мирной ситуации вокруг Кореи после окончания Второй мировой войны в сторону напряженного соперничества сверхдержав и разделения полуострова на два враждебных друг другу корейских государства. Автор отмечает, что экспорт биполярности в Корею осуществлялся тогда при активном содействии США, не желавших допустить чрезмерного усиления позиций СССР в регионе. Во втором разделе подробно рассматривается роль США в Корейской войне и ее последующем урегулировании. Подчеркивается, что уже тогда Вашингтон вопреки своим ожиданиям столкнулся с противодействием ряда региональных игроков и осознал необходимость поиска альтернативных

* *Садаков Денис Андреевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет (e-mail: rstk2005@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4308-7276).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179 «Борьба сверхдержав за лидерство на периферии холодной войны в 1947–1991 гг.» (https://rscf.ru/project/22-78-10179/).

© Садаков Д.А., 2025

стратегий участия в корейских делах. В третьем разделе выявляются конкретные шаги США, направленные на сокращение своего присутствия в Южной Корее, и анализируется реакция региональных игроков на изменения в американском внешнеполитическом курсе. В частности, показано, как американо-китайское сближение в 1970-е годы повлияло на эволюцию региональной системы безопасности в сторону многополярности и разрядки международной напряженности. В заключение делается вывод, что трендом региональной политики США в 1940–1970-е годы было осознанное и постепенное снижение степени своей вовлеченности в корейские дела за счет перераспределения обязательств между союзниками и привлечения новых акторов в процесс корейского урегулирования. При этом автор отмечает, что стратегический подход к корейской политике, выбранный США еще в годы холодной войны и основанный на системе многосторонних альянсов, сохраняет актуальность по сей день, помогая американскому руководству эффективно поддерживать свое присутствие на Корейском полуострове на современном этапе развития международных отношений.

Ключевые слова: США, холодная война, Корейская война, Республика Корея, КНДР, биполярная система, КНР, Япония, Г. Трумэн, Р. Никсон, Ким Ир Сен, Ли Сын Ман

Для цитирования: Садаков Д.А. Фактор США в эволюции региональной биполярной системы на Корейском полуострове в 1940–1970-е годы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 203–237. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237.

Denis A. Sadakov

THE U.S. FACTOR IN THE EVOLUTION OF THE REGIONAL BIPOLAR SYSTEM ON THE KOREAN PENINSULA IN THE 1940S–1970S

Vyatka State University
36, Moskovskaya St., Kirov, Russia, 610000

The U.S. policies toward the Korean peninsula during the Cold War are usually considered within the framework of the bipolar confrontation and the Soviet-American struggle for spheres of influence. Meanwhile, international interactions at the level of the Korean regional subsystem were not limited to a strict separation of states into two opposing camps and were characterized by

greater complexity and unpredictability. This study attempts to show that U.S. policy was a determining, but by no means the only, factor in the formation and development of the regional subsystem of international relations on the Korean Peninsula and was flexible enough to adapt to the actions of other actors. The first section of the article examines how a relatively peaceful situation around Korea in the aftermath of World War II transformed into an intense superpower rivalry and division of the peninsula into two adversarial Korean states. The author notes that this export of bipolarity to Korea was actively promoted by the United States, seeking to prevent the excessive strengthening of the Soviet positions in the region. The second section examines the role of the United States in the Korean War and its subsequent settlement. It is emphasized that already then, contrary to its expectations, the United States faced opposition from a number of regional actors and realized the need to search for alternative strategies to participate in Korean affairs. The third section identifies specific steps undertaken by the United States to reduce its presence in South Korea and analyzes the response of regional actors to the changes in American foreign policy. In particular, it shows how the U.S.-Chinese rapprochement in the 1970s influenced the evolution of the regional security system toward multipolarity and détente. It is concluded that the U.S. regional policy in the 1940s and 1970s tended to be deliberately and gradually decreasing the degree of its involvement in Korean affairs due to the redistribution of commitments between allies and the engagement of new actors in the Korean settlement process. At the same time, the author notes that the strategic approach to Korean policy, chosen by the United States during the Cold War and based on a system of multilateral alliances, has remained relevant so far, helping the American leadership to effectively maintain its presence on the Korean peninsula.

***Keywords*:** United States, Cold War, Korean War, Republic of Korea, DPRK, bipolar system, PRC, Japan, Harry Truman, Richard Nixon, Kim Il-Sung, Syngman Rhee

About the author: *Denis A. Sadakov* — PhD (History), Senior Research Fellow at the Department of History and Political Science, Vyatka State University (e-mail: rstk2005@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4308-7276).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10179 (https://rscf.ru/project/22-78-10179/).

For citation: Sadakov D.A. 2025. The U.S. factor in the evolution of the regional bipolar system on the Korean peninsula in the 1940s–1970s. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 203–237. DOI: 10.48015/2076-7404-2025-17-1-203-237. (In Russ.)

Понятие «биполярный мир», несмотря на его широкое употребление, по сей день остается размытым и дискуссионным в исторической литературе. Одни исследователи интерпретируют биполярность через модель разделения международной системы на два враждующих лагеря, каждый из которых объединен вокруг одной из сверхдержав. Другие указывают на факт обладания только двумя державами экономических и технологических ресурсов для поддержания глобальной стратегии ядерного сдерживания. Третьи определяют биполярность как ситуацию, в которой две державы настолько мощны, что не нуждаются в союзниках и могут самостоятельно защищать свои интересы. Еще одна интерпретация концентрируется на понимании биполярности как системы, состоящей исключительно из двух великих держав. Наконец, существует трактовка биполярности как характеристики структуры международных отношений, которая делает систему более стабильной, так как уменьшает неопределенность: две сверхдержавы знают, кто их главный соперник, и не зависят от союзников.

Как справедливо отмечает Р.Х. Вагнер, все эти подходы не объясняют в полной мере поведение США и СССР в холодной войне, поскольку важную роль в процессе формирования политики сверхдержав играли их союзники, а неопределенность в международных отношениях, связанная с сочетанием военных, геополитических и экономических факторов, сохранялась. Р.Х. Вагнер предложил альтернативный взгляд на понятие «биполярность», согласно которому ее следует интерпретировать как результат объединения держав «свободного мира» против близкого к достижению гегемонии СССР. Конфликты на периферии холодной войны редко меняли общую стратегическую картину, но демонстрировали готовность Москвы и Вашингтона защищать своих союзников и сдерживать экспансию противника, что усиливало альянсы сверхдержав в остальных регионах мира [Wagner, 1993].

В контексте данного подхода большой интерес представляет история политики США в отношении государств Корейского полуострова, который на протяжении десятилетий остается местом переплетения интересов крупных держав и локальных акторов. В условиях усиливающейся в наши дни тенденции к установлению многополярности в международных отношениях анализ эволюции политики США становится важным для понимания того, как взаимодействие глобальных и региональных факторов может приводить

к долгосрочным геополитическим последствиям, порождая соответствующие им специфические структуры безопасности.

История Кореи и политики США в регионе в годы становления биполярной системы неоднократно рассматривалась в отечественной и зарубежной историографии [Садаков, 2017a, 2017b; Weathersby, 1993; Lee, 1995; Cumings, 2002; Cha, 2016]. Гораздо реже предпринимались попытки последовательного анализа роли этой политики с точки зрения эволюции биполярности.

В советской историографии подчеркивался конфронтационный характер политики США: южная часть Корейского полуострова, как правило, представлялась как военный плацдарм Вашингтона [Политика США…, 1964: 273], который сознательно превращался в район противоборства с миром социализма средствами, угрожавшими безопасности Азии [Кременюк, Лукин, 1978: 82].

Большой интерес представляет труд В.Д. Тихомирова «Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов)», в котором обращено внимание на существенное давление на курс Вашингтона со стороны его региональных союзников [Тихомиров, 1998: 29, 130, 141–157, 179, 204]. В работе А.В. Воронцова «Треугольник США — Япония — Южная Корея. Миф или реальность» развитие связей США с дальневосточными союзниками рассматривалось в контексте военных и экономических планов Вашингтона в отношении Японии [Воронцов, 1991: 46, 50–53]. Отдельные эпизоды из истории внешней политики США в рассматриваемый период затрагивались в работе «Корейское урегулирование и интересы России», изданной под редакцией В.И. Денисова и А.З. Жебина [Корейское урегулирование и интересы России, 2008].

За рубежом процессам строительства американской региональной системы безопасности посвящены работы В. Ча и С. Ли [Lee, 1995, 2013; Cha, 2016]. В. Ча исходил из того, что в послевоенный период США избрали лучевую архитектуру для своей системы безопасности в Восточной Азии, поскольку творцам американской политики приходилось иметь дело с уникальным регионом. Потенциальные союзники США в этой части мира были склонны к неконтролируемым односторонним шагам и могли втянуть Вашингтон в полномасштабную войну в Азии. Защитой от данной угрозы служило создание сети двусторонних союзов с Тайванем, Южной Кореей и Японией. Такая тактика позволяла более эффективно контроли-

ровать события, предотвращать односторонние акты агрессии и не допускать сговоров между партнерами Вашингтона [Cha, 2016: 193].

Одной из немногих работ, затрагивающих политику США в Корее в течение периода 1953–1970-х годов, является труд Д. Обердорфера «Две Кореи. Современная история», в котором показано, что предпринятая США в 1970-х годах попытка изменить степень вовлеченности в корейские дела путем вывода из страны американских войск провалилась не столько из-за ущербности самой идеи, сколько из-за «безапелляционного и разрушительного подхода», избранного для достижения этой цели [Oberdorfer, 2001: 108].

В ряде исследований рассмотрена роль КНР и советско-китайского соперничества в развитии ситуации на Корейском полуострове [Chen, 2001; Zhihua, Yafeng, 2015; Friedman, 2015]. В этом контексте интересно мнение Г. Бразинского, который указывает, что именно противостояние США и КНР на корейском направлении стало причиной укрепления Китая в статусе великой державы, что стимулировало продолжение силовых действий со стороны Вашингтона [Brazinsky, 2017: 47–48].

Цель данной статьи — выявление причин и последствий инициатив США, направленных на фактическое размывание биполярной системы в регионе Корейского полуострова. В таком ключе политика Вашингтона ранее не рассматривалась, и эта тема нуждается в дальнейшей разработке.

Формирование биполярной системы в регионе Корейского полуострова

Судьба Кореи по окончании Второй мировой войны была определена на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. Его итогом стала компромиссная платформа, предусматривавшая создание независимого государства при содействии Совместной советско-американской комиссии и подразумевавшая установление над Кореей опеки сроком до 5 лет как способа «помощи прогрессу корейского народа» [Ки Кван Со, 1997: 98–99]. Согласно планам сверхдержав Корея должна была превратиться в своеобразную буферную зону между двумя мирами, избежав превращения в арену конфронтации. Мнение корейского народа при этом учтено не было.

В течение последующих месяцев советско-американское взаимодействие в деле строительства единого и независимого корейского

государства разочаровало дипломатов обеих стран. Несмотря на публично декларируемую СССР и США готовность работать вместе, Корея постепенно превращалась в поле соперничества, победитель в котором получал доминирующее влияние на полуострове. Вскоре граница между Севером и Югом была фактически закрыта. Ключевое значение для будущего страны имела работа Совместной советско-американской комиссии, начало которой было намечено на весну 1946 г. США стремились использовать преимущество, которое им давал перевес в численности населения южной оккупационной зоны. На руку Вашингтону играло и то, что столица Кореи — Сеул — также находилась к югу от 38-й параллели. Советская делегация в свою очередь пыталась максимально точно следовать решениям Московского совещания, используя их для отстранения антисоветски настроенных правых партий — противников опеки [Садаков, 2018]. В итоге и СССР, и США стали применять эти решения не как конкретный план, подлежавший реализации, а как рамочный документ, оставлявший лазейки для собственных интерпретаций, вследствие чего вероятность конструктивного сотрудничества была невелика.

В течение следующих месяцев в Госдепартаменте пришли к выводу, что при инерционном сценарии развития событий СССР сможет добиться доминирования коммунистов в любом возможном коалиционном правительстве[1]. Во второй половине 1947 г. ситуация стала для Вашингтона критической, особенно на фоне того, что США ранее уже сталкивались с восстаниями в своей оккупационной зоне. В одном из отчетов ЦРУ, подготовленном в начале 1947 г., отмечалось, что Южная Корея охвачена волнениями, вызванными дефицитом продуктов питания[2], который не получалось покрыть даже поставками из США. Проблема усугублялась тем, что из-за забастовок и серии паводков в стране была нарушена работа транспортной системы, а поставки электроэнергии из советской оккупационной зоны постоянно снижались, в результате даже с учетом собственных мощностей электричества хватало лишь на удовлетворение самых

[1] The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State, August 28, 1947 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v06/d592 (accessed: 05.03.2025).

[2] The situation in Korea. January 3, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. P. 3. Available at: https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/situation-korea-office-reports-and-estimates-51?documentid=NA&pagenumber=1 (accessed: 05.03.2025).

насущных потребностей[3]. Американские дипломаты опасались, что радикалы правого или левого толка смогут подогреть настроения местного населения до такой степени, что контролировать ситуацию станет невозможно. Вашингтон также беспокоили вопросы международного престижа: потеря Кореи нанесла бы по нему тяжелый удар и стала бы свидетельством бессилия США в деле защиты других стран от проникновения коммунистического влияния[4].

В этих условиях задача США заключалась в том, чтобы минимизировать свое участие в корейских делах, при этом продемонстрировав корейцам и мировому сообществу верность предшествовавшим соглашениям и идее независимости Кореи, а также избежав подпадания всего полуострова в орбиту влияния СССР[5].

Для достижения этой цели Вашингтон внес предложение о приглашении в состав «вершителей судеб» Кореи делегаций союзников США — Великобритании и Китайской Республики — и соответственном снижении роли СССР. Впрочем, сами американцы, включая посла США в Москве У.Б. Смита, считали, что Советский Союз вряд ли согласится на эти условия[6]. Последовавший отказ Кремля от продолжения работы в четырехстороннем формате привел к активации плана передачи вопроса о Корее на рассмотрение Генеральной Ассамблее (ГА) ООН. В этом органе США имели все основания рассчитывать на принятие практически любого нужного им решения [Halliday, 1974: 110]. Используя влияние на большинство членов ГА, Вашингтон смог придать легитимность своим планам, настояв на принятии соответствующей резолюции 14 ноября 1947 г. Она предусматривала проведение выборов в Корее на американских условиях под наблюдением Временной комиссии ООН, состоявшей из представителей Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин, Сирии и Украинской ССР[7]. Советский Союз отказался

[3] War Department incoming classified message. January 17, 1947 // Harry S. Truman Library & Museum. P. 2. Available at: https://www.trumanlibrary.gov/node/316382 (accessed: 05.03.2025).

[4] Containment: Documents on American policy and strategy, 1945–1950 / Ed. by T.H. Etzold, J.L. Gaddis. New York: Columbia University Press, 1978. P. 78.

[5] Report by the Ad Hoc Committee on Korea, August 4, 1947 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v06/d560 (accessed: 05.03.2025).

[6] Ibidem.

[7] Resolution adopted by the United Nations General Assembly on November 14 at its 112th plenary meeting // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/

участвовать в работе этого органа, мотивировав свое решение тем, что создание такой комиссии противоречит принципу национального самоопределения корейского народа [Петухов, 1987: 132]. Этот демарш дал толчок протестам левых сил, которые требовали проведения всеобщих выборов и выступали против дальнейшего иностранного вмешательства в политические процессы на Корейском полуострове. Однако Вашингтон сумел нивелировать активность своих оппонентов — корейских партий левой ориентации — и добиться реализации нужного ему сценария.

Организованные корейскими левыми беспорядки особого впечатления на представителей США не произвели. 10 февраля 1948 г. командующий американскими войсками в Корее генерал Дж. Ходж отметил: «Коммунисты называют эти демонстрации всеобщей забастовкой <…>. Интересно отметить, что, по нашим сведениям, во всей Южной Корее бастовало лишь несколько сотен человек на небольших фабриках, притом почти во всех случаях по принуждению и под угрозами насилия со стороны агитаторов»[8]. В конце февраля 1948 г. комиссия ООН попыталась привлечь представителей левых и центристских организаций к обсуждению будущего Кореи. Вскоре выяснилось, что почти все приглашенные к участию в консультациях политические деятели находились либо в тюрьме, либо под полицейским наблюдением. Когда комиссия обеспечила им иммунитет от преследований, никто из них не пожелал принять приглашение [Deane, 1999: 65].

В итоге США добились проведения отдельных выборов на Юге Кореи, которые состоялись 10 мая 1948 г. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание независимой Республики Корея. Это был осознанный шаг американской администрации. Фиксирование раздела Кореи по 38-й параллели дало Вашингтону возможность сформировать на юге полуострова зависимый от его помощи правонационалистический режим и сохранить свои позиции в регионе в условиях высокого уровня влияния левых сил. В ответ на провозглашение государственной самостоятельности Юга 9 сентября

historicaldocuments/frus1947v06/d660 (accessed: 05.03.2025); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/112 (II) «Вопрос о независимости Кореи», 14 ноября 1947 года // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Доступ: https://docs.un.org/ru/A/RES/112(II) (дата обращения: 05.03.2025).

[8] Официальные отчеты. Дополнение. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединенных Наций по вопросу о Корее. Т. I. [Б. м.], 1948. С. 23.

1948 г. было объявлено о создании на севере полуострова Корейской Народно-Демократической Республики.

Таким образом, формирование биполярной системы на Корейском полуострове стало результатом стремления США не допустить возможного установления советской гегемонии в Корее. При решающей роли Вашингтона, мобилизовавшего своих союзников и использовавшего свое влияние в ООН, к 1948 г. на Корейском полуострове сформировалась ситуация, при которой Север контролировался просоветским режимом, а Юг находился под доминирующим влиянием США. Это разделение стало основой для дальнейшего соперничества двух сверхдержав в регионе.

Тем не менее степень поляризации сложившейся структуры была еще ограниченной. Позиция США относительно обеспечения безопасности своего регионального клиента заключалась в том, что Южной Корее необходимо оказывать помощь для того, чтобы режим мог самостоятельно постоять за себя [Jongsuk, 2002: 141]. 30 декабря 1949 г. эта идея была закреплена в директиве Совета национальной безопасности США СНБ-48, предусматривавшей моральную и материальную поддержку Республики Корея, чтобы впоследствии она смогла стать ядром единого государства, созданного мирным путем и на демократической основе[9]. Восприятие американскими политиками ситуации на полуострове к началу 1950 г. иллюстрируют слова советника Госдепартамента Дж. Кеннана: «Обстановка в Корее на удивление хорошая, и по всем признакам с нашей помощью режим способен удержать власть в своих руках»[10].

Публично позиция США по Корее была оглашена в речи госсекретаря Д. Ачесона 12 января 1950 г. в Национальном пресс-клубе. Вслед за СНБ-48 [Matray, 2002: 48] госсекретарь проводил американский оборонительный периметр через Филиппины, Рюкю, Японию и Алеутские острова. После нападения КНДР на Республику Корея, которое произошло спустя полгода после этой речи, Д. Ачесон подвергся критике за то, что своим выступлением якобы дал зеленый свет коммунистической агрессии. В то же время вопреки данному

[9] Memorandum by the Executive Secretary of the National Security Council (Souers) to the National Security Council, December 30, 1949 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v07p2/d387 (accessed: 05.03.2025).

[10] Memorandum by the Counselor (Kennan) to the Secretary of State, January 6, 1950 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d52 (accessed: 05.03.2025).

мнению госсекретарь не исключал Корею из числа поддерживаемых Соединенными Штатами стран. Он лишь предупреждал, что первое время после атаки ей, как и другим второстепенным государствам, придется рассчитывать на собственные силы и помощь ООН[11]. Сегодня известно, что планы силового объединения страны вынашивали власти и Севера, и Юга Кореи. Первым подобную попытку воссоединения корейского народа предпринял Пхеньян.

США и усиление поляризации региональной системы в 1950-х годах

25 июня 1950 г. около 6:00 по местному времени Корейская народная армия перешла 38-ю параллель и начала развивать наступление на юг. Тлевший с момента образования двух независимых корейских государств конфликт вступил в горячую фазу.

На собранном в срочном порядке совещании в Госдепартаменте присутствовали главы ключевых отделов дипломатического ведомства. С самого начала базовым сценарием действий стала передача вопроса на рассмотрение в Совет Безопасности (СБ) ООН[12], где влияние США ограничивалось советским правом вето. Впрочем, советники Г. Трумэна по России Дж. Кеннан и Ч. Болен были уверены, что советская бюрократия не способна принимать быстрые решения, и ставили на то, что представитель СССР будет отсутствовать на грядущем заседании Совета Безопасности[13].

Ключевая роль ООН в процессе легитимации решения о вмешательстве в корейские дела обусловливалась тем, что действия КНДР формально не вели к активации каких-либо обязательств США в отношении Республики Корея и Г. Трумэну нужен был повод, чтобы обойти отсутствие согласия Конгресса на участие в боевых действиях [Попов и др., 2005: 101].

Проведение через СБ ООН нужной США резолюции началось утром 25 июня по местному времени[14]. По итогам обсуждения

[11] Speech on the Far East by Dean Acheson, January 12, 1950 // Teaching American History. Available at: https://teachingamericanhistory.org/document/speech-on-the-far-east/#doc-tabs-full (accessed: 05.03.2025).

[12] The Secretary of State to the Embassy in Korea, June 25, 1950 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d85 (accessed: 05.03.2025).

[13] Acheson D. Present at the creation: My years in the State Department. New York: W.W. Norton & Company, 1969. P. 408.

[14] Ibid. P. 404.

большинством голосов (9 «за» при воздержавшемся представителе Югославии и отсутствовавшем делегате от СССР[15]) была принята резолюция № 82 от 25 июня 1950 г., в которой отмечался факт вооруженного нападения КНДР. Совбез призывал власти Северной Кореи отвести войска за 38-ю параллель, а правительства государств — членов ООН — отказаться от содействия режиму северокорейского лидера Ким Ир Сена[16]. Резолюция № 82 позволила США заложить платформу для дальнейшей легитимации своих действий в ООН. КНДР официально была названа виновником начала боевых действий, а ее союзники автоматически становились нарушителями международного права[17].

В результате попытка установления коммунистического контроля над всей Кореей была пресечена путем формирования коалиции, в которую усилиями США было вовлечено 16 стран — членов ООН. Несмотря на то что ключевую роль в ведении боевых действий играли американские и южнокорейские войска, прямое участие европейских, азиатских и африканских стран в войне играло важную роль в укреплении позиции Вашингтона на международной арене. В то же время этот шаг усилил поляризацию государств не только в Северо-Восточной Азии, но и во всём мире.

Военный успех коалиции ООН и последовавший переход антикоммунистических сил через границу КНДР спровоцировали ответные шаги коммунистов. В Москве и Пекине сочли неприемлемыми как риски полного поражения Северной Кореи, так и полномасштабное вмешательство СССР.

[15] Представитель СССР бойкотировал заседания Совета Безопасности с января 1950 г. в связи с тем, что в ООН Китай представлял посланник гоминьдановского, а не коммунистического режима. Более того, согласно воспоминаниям А.А. Громыко на заседании 25 июня советский представитель отсутствовал по личному указанию И.В. Сталина. См. подробнее: Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 249–250.

[16] Резолюция Совета Безопасности ООН № S/RES/82 (1950) «Протест против агрессии, которой подверглась Корейская Республика», 25 июня 1950 г. // Совет Безопасности ООН. Доступ: https://docs.un.org/ru/S/RES/82(1950) (дата обращения: 05.03.2025).

[17] Memorandum of conversation, by the Ambassador at Large (Jessup), June 25, 1950 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v07/d86 (accessed: 05.03.2025). О процессе кризисного реагирования США после начала полномасштабных боевых действий на Корейском полуострове в 1950 г. см. подробнее: [Юнгблюд, Садаков, 2018].

В исторической литературе подробно освещена проблема вступления в войну Китайских народных добровольцев [Иванов, 2020, 2022; Nichols, 2000]. Начавшееся 25 октября китайское наступление развивалось в целом успешно. При этом важную роль играли советские истребители, помогавшие осуществлять прикрытие стратегических объектов и коммуникаций в тылу группировки войск КНР и КНДР. Москва проявила осторожность, отказавшись предоставлять ударные самолеты. Вашингтону было известно о действиях советских летчиков, но из-за опасений расширения конфликта они не рискнули использовать эту информацию в пропагандистских или иных целях [Стьюк, 2002: 208–209; O'Neill, 2000].

Вступление КНР в Корейскую войну означало мобилизацию коалиции коммунистов в ответ на возросшую угрозу со стороны США и их союзников. В то же время оно продемонстрировало решимость Пекина защищать свои стратегические интересы на мировой арене. Тем самым Китай заложил основы своей будущей роли в Азии как военного и политического противовеса влиянию Соединенных Штатов.

Расширение без санкции ООН театра войны на территорию Китая не входило в планы США, поскольку это неминуемо вело как минимум к частичному расколу сформировавшейся коалиции и к мобилизации значительных дополнительных сил. Более того, начало полномасштабного американо-китайского вооруженного конфликта многократно повышало риск вмешательства СССР и третьей мировой войны [Zornow, 1959: 101].

4 января 1951 г. китайско-северокорейскими войсками был занят Сеул. В этих условиях в Вашингтоне заговорили о возможности применения ядерного оружия. Впрочем, к такому радикальному шагу действующая администрация была не готова, а попытки главнокомандующего сил ООН генерала Д. Макартура добиться эскалации ситуации с помощью публичной критики своего руководства привели к негативной реакции Г. Трумэна и снятию генерала с должности в апреле 1951 г. Решение не применять ядерное оружие в Корее было следствием комплекса причин: относительной ограниченности ядерного арсенала США; преобладания в Объединенном комитете начальников штабов мнения, что использование атомного оружия эффективно только в случае стратегических бомбардировок (которые в условиях Корейской войны могли применяться лишь для

ударов по территории СССР и Маньчжурии); оппозиции союзников Соединенных Штатов, в первую очередь Великобритании; и самое важное — слишком большого риска начала новой мировой войны [Попов и др., 2005: 196–199]. К весне 1951 г. боевые действия на Корейском полуострове приняли затяжной характер.

Заинтересованность в перемирии КНР, КНДР и США в скором времени заставила противоборствующие стороны активизировать переговорный процесс. Начало зондированию почвы для переговоров о перемирии было положено в ходе встреч советских и американских представителей в ООН. Первая из них состоялась 3 мая 1951 г. На ней Я.А. Малик и его заместитель С.К. Царапкин положительно высказались о возможном обсуждении корейской проблемы представителями советского и американского правительств[18]. 8 июля 1951 г. в г. Кэсоне были открыты переговоры с участием представителей войск ООН, руководства КНДР и командования Китайскими народными добровольцами. К 8 ноября разногласия по вопросу о линии разграничения были в значительной степени преодолены[19]. 27 ноября обе делегации ратифицировали договоренность, согласно которой большая часть согласованной линии, разделявшей КНДР и Республику Корея, проходила к северу от 38-й параллели [Стьюк, 2002: 404–405]. Относительно оперативно был достигнут прогресс и по вопросу о соблюдении режима перемирия. Тем не менее переговоры затянулись из-за казавшегося второстепенным пункта о репатриации военнопленных и продолжились до середины 1953 г.

Соглашение о перемирии было подписано в Пханмунджоме 27 июля 1953 г. Оно предусматривало прекращение огня и создание демилитаризованной зоны вдоль линии соприкосновения войск ООН с силами коммунистов. Вопрос восстановления единства страны был перенесен на следующий этап урегулирования — международную политическую конференцию[20]. Одновременно представители 16 стран —

[18] Memorandum of conversation, by F.P. Corrigan and T.J. Cory of the United States Mission at the United Nations, May 3, 1951 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v07p1/d271 (accessed: 05.03.2025).

[19] The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, November 8, 1951 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v07p1/d445 (accessed: 05.03.2025).

[20] Korean War Armistice Agreement, July 27, 1953 // National Archives. Available at: https://www.archives.gov/milestone-documents/armistice-agreement-restoration-south-korean-state (accessed: 05.03.2025).

членов коалиции ООН приняли Совместную декларацию, в которой выражали поддержку соглашению о перемирии и готовность вновь взяться за оружие в случае нарушения его условий[21].

Ценой обеспечения соблюдения Сеулом согласованных Вашингтоном с коммунистами условий перемирия, включая проведение политической конференции по корейскому вопросу, стало подписание 1 октября 1953 г. Договора о взаимной обороне между США и Республикой Корея. В совместном заявлении, принятом по итогам двусторонних консультаций, специально указывалось, что вплоть до даты вступления соглашения в силу южнокорейские войска будут подчинены командованию ООН, которое будет следовать условиям перемирия[22].

В то же время это соглашение вписывалось в ряд подобных договоренностей, заключенных правительством США с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности с Филиппинами и Китайской Республикой[23]. В случае возникновения угрозы нападения на территории, «на законных основаниях находившиеся под административным контролем одной из сторон» в зоне Тихого океана, участники Договора брали на себя обязательства консультироваться и как индивидуально, так и совместно принимать все необходимые меры для отражения вооруженного нападения «в соответствии с действующими конституционными процедурами». Кроме того, Республика Корея предоставляла США право разместить на своей территории боевые подразделения армии, флота и авиации[24]. Одновременно были намечены щедрые программы военной и экономической помощи[25].

[21] Joint Policy Declaration Concerning the Korean Armistice, July, 27, 1953 // Gerald Ford Presidential Library & Museum. P. 4. Available at: https://www.fordlibrarymuseum.gov/sites/default/files/pdf_documents/library/document/0337/24468965.pdf (accessed: 05.03.2025).

[22] Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee // Department of State Bulletin. 1953. Vol. 29. No. 732. P. 203. Available at: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293008121331&seq=203 (accessed: 05.03.2025).

[23] См.: Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of China, December 2, 1954 // The Avalon Project: Documents in Law, History and Diplomacy. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/chin001.asp (accessed: 05.03.2025); Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of the Philippines, August 30, 1951 // Ibidem. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/phil001.asp (accessed: 05.03.2025).

[24] The Cold War: Interpreting conflict through primary documents / Ed. by P. Roberts. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2019. P. 364–367.

[25] Results of Secretary Dulles' consultations with President Rhee. P. 203.

Таким образом, на фоне окончания прямого вооруженного противостояния с коммунистами США стали предпринимать шаги по укреплению своего контроля над Республикой Корея и предотвращению возможных односторонних действий со стороны ее властей [см. подробнее: Садаков, Юнгблюд, 2019].

Одним из приоритетов СССР в рамках постконфликтного урегулирования стало закрепление региональной роли КНР, в том числе за счет участия китайской делегации в Женевской конференции 1954 г. Москва выступала посредником между коммунистическим Китаем и западными державами, доказывала необходимость признания КНР в качестве ключевого участника региональных международных отношений. Эти усилия позволили Китаю впервые принять участие в крупном международном мероприятии, что стало важным шагом к укреплению его статуса на мировой арене, несмотря на сопротивление США [Юнгблюд, Садаков, 2020а].

Корейская фаза Женевской конференции 1954 г. прошла по выбранному США сценарию и завершилась провалом с точки зрения возрождения единства Кореи. Коммунистам не удалось добиться принятия даже максимально обтекаемой резолюции по итогам форума и извлечь значимые пропагандистские выгоды из разоблачения американского обструкционизма. Формат обсуждения имел выраженный биполярный характер. И советская, и американская делегации выступили организаторами закрытых встреч своих союзников для выработки общей позиции и оказывали большое влияние на принимаемые на этих встречах решения. При этом кажущаяся монолитность переговорных позиций оппонентов вела к взаимным подозрениям в недоговороспособности [Юнгблюд, Садаков, 2020а].

Вывод Китайских народных добровольцев из КНДР был завершен к осени 1958 г. На рубеже 1957–1958 гг. был запущен процесс нуклеаризации Корейского полуострова за счет размещения американских ядерных зарядов и их носителей [Садаков, 2021]. Кроме того, к концу 1950-х годов в подготовленных в США руководящих документах в качестве приоритета было четко закреплено включение Южной Кореи в систему военно-политических блоков Соединенных Штатов в Тихом океане[26].

[26] National Security Council report, July 1, 1959 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v18/d279 (accessed: 05.03.2025).

Несмотря на выраженный характер сформировавшейся биполярности, наметившиеся тенденции в эволюции региональной системы безопасности создавали базу для постепенного размывания биполярности в будущем. Это становилось более явным в последующие годы, по мере роста региональной роли КНР и возникновения напряженности между Москвой и Пекином. Советско-китайский конфликт создавал потенциальные возможности для США, которые могли использовать раскол внутри коммунистического лагеря в своих интересах.

Специфической чертой системы обеспечения безопасности «крепости Южная Корея» было присутствие войск США. С одной стороны, американский контингент представлял собой ценный инструмент влияния на внутреннее положение в Республике и способствовал стабилизации ситуации в регионе. С другой стороны, его содержание недешево обходилось американской казне, а присутствие в непосредственной близости от очага напряженности создавало для США риск ввязывания в новый полномасштабный конфликт на полуострове. После того как провал корейской фазы Женевской конференции 1954 г. поставил крест на альтернативных фиксированию status quo сценариях разрешения корейского вопроса, американцы получили возможность начать поиск способов снижения этих рисков и уровня своего прямого военного присутствия на полуострове.

Размывание биполярности в 1960–1970-е годы

Вашингтон намеревался уменьшить затраты на содержание укрепленного форпоста «свободного мира» на юге Корейского полуострова за счет вовлечения в развитие Республики Корея японского капитала. Препятствием для этого стало сложное общее историческое прошлое двух стран: до Второй мировой войны Корея была колонией Японии, которая предпринимала усилия по ее ассимиляции. Имелись у двух государств и территориальные разногласия. Значимым источником конфликтов был спор вокруг островов Лианкур, на которые и Сеул, и Токио предъявляли претензии. По этим причинам переговоры затянулись [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2020b]. Успех был достигнут только в 1965 г. — после отстранения от власти одиозного южнокорейского диктатора Ли Сын Мана. 22 июня 1965 г.

министры обеих стран подписали Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей, а 18 декабря 1965 г. он вступил в силу[27].

После 1965 г. Вашингтон продолжил поощрять торгово-экономическое сотрудничество между Японией и Южной Кореей, считая его важным для поддержания коллективной безопасности. Японский капитал играл ключевую роль в развитии южнокорейской экономики. Политические проблемы, а также территориальные споры вокруг островов Лианкур[28] периодически обостряли двусторонние отношения, но последствия возникавших инцидентов были ограниченными. С течением времени Токио и Сеул активизировали и военно-политическое взаимодействие. Участие США в этом процессе подтверждало важность трехсторонних связей для поддержания стабильности в регионе. При этом Япония надеялась сохранить прямое военное присутствие Соединенных Штатов на полуострове.

Эффект от достижения Соглашения о нормализации был весьма высок, что позволило за счет Японии существенно снизить нагрузку на американский бюджет и решить задачу обеспечения жизнеспособности южнокорейской экономики. США, направляя процесс переговоров Токио и Сеула, последовательно проводили курс на четкое разграничение ролей своих главных союзников на Дальнем Востоке [см. подробнее: Юнгблюд, Садаков, 2020b]. Япония окончательно утвердилась в качестве центра оборонного периметра и главного стратегического партнера США. В отношении Южной Кореи политика Вашингтона была сосредоточена на вопросах безопасности[29]. Фактически югу Корейского полуострова была уготована роль континентального плацдарма и передового оборонительного рубежа против коммунизма. После 1965 г. США продолжили поощрять экономическое сотрудничество между Японией и Южной Кореей, считая его важным для поддержания коллективной безопасности.

[27] Japan and Republic of Korea: Treaty on Basic Relations, 22 June, 1965 // United Nations Treaty Collection. Available at: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20583/volume-583-I-8471-English.pdf (accessed: 05.03.2025).

[28] Группа островов в Японском море, суверенитет над которыми оспаривается между Японией и Южной Кореей. Фактический контроль над территориями принадлежит Сеулу.

[29] Paper prepared by the Policy Planning Council of the Department of State, June 15, 1968 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v29p1/d201 (accessed: 05.03.2025).

Японский капитал играл ключевую роль в развитии южнокорейской экономики, что стало одной из предпосылок формирования «экономического чуда» Южной Кореи.

Новая попытка Вашингтона уменьшить свои обязательства в отношении Кореи была предпринята в конце 1960-х годов, когда к власти пришла администрация Р. Никсона. Президент впервые представил отдельные элементы своей внешнеполитической доктрины на Гуаме 25 мая 1969 г. и детализировал в речи 3 ноября того же года. Ключевым ее аспектом была постепенная «вьетнамизация»[30] войны в Юго-Восточной Азии. Р. Никсон подчеркивал, что США продолжат соблюдать свои военные обязательства по всему миру и обеспечат «ядерный зонтик» союзникам. Однако в конфликтах, не требовавших применения оружия массового поражения, функция американцев должна была сводиться к экономической и военной помощи, а их «клиентов» — к предоставлению живой силы[31]. В целом в отношении Азии «доктрина Никсона» означала стремление Вашингтона, с одной стороны, сократить военное присутствие на континенте, а с другой — сохранить свое влияние на дела региона.

Постепенное укрепление южнокорейской экономики во второй половине 1960-х годов, а также опасения, связанные с «Гуамской доктриной», привели к односторонним шагам Сеула по наращиванию своего военного потенциала. Серьезной попыткой изменения условий сосуществования на Корейском полуострове двух государств стали южнокорейские ракетная и ядерная программы. Соответствующие планы появились на фоне растущей неуверенности южан в надежности американской поддержки из-за положений внешнеполитической доктрины 37-го президента США. Важным аспектом этих программ было то, что Сеул уже не опирался исключительно на американскую поддержку, а пытался развивать военно-промышленную кооперацию с другими странами «свободного мира». Однако

[30] Речь идет о политике администрации Р. Никсона в отношении войны во Вьетнаме. Эта политика подразумевала обучение и оснащение новых южновьетнамских подразделений с постепенным снижением численности участвовавших в боевых действиях американских войск.

[31] Nixon's 'Silent Majority' speech, November 3, 1969 // Watergate.info. Available at: https://watergate.info/1969/11/03/nixons-silent-majority-speech.html (accessed: 05.03.2025); Report by President Nixon to the Congress, February 18, 1970 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v01/d60 (accessed: 05.03.2025).

своевременное вмешательство[32] Соединенных Штатов позволило заморозить южнокорейские разработки в рамках приемлемых для США параметров [Дьячков, 2014].

Эволюция региональной системы проявлялась и в содержании межкорейского диалога, где обе стороны стали подчеркивать свою независимость от внешних игроков. К.В. Асмолов приводит состоявшийся в 1972 г. диалог директора южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рака и лидера КНДР Ким Ир Сена:

«Ким Ир Сен: Давайте исключим внешние силы. Давайте не будем сражаться. Давайте объединимся как нация. Давайте не будем зацикливаться на коммунизме или капитализме <…>.

Ли Ху Рак: Нация с населением в 40–50 миллионов человек — это сильная страна. Сто лет назад мы были вынуждены искать покровительство сверхдержав, потому что были слабы, но в будущем великие державы будут искать покровительство у нас. Я хочу, чтобы вам было ясно, что сверхдержавы лишь на словах поддерживают нашу надежду на объединение. В действительности они этого не хотят.

Ким Ир Сен: Сверхдержавы и империализм предпочитают разделить нацию на несколько мелких наций» [Асмолов, 2008].

К концу 1960-х годов эволюция региональной системы безопасности в сторону многополярности была дополнена изменением подходов США к Китайской Народной Республике. Проблематика развития китайско-американских отношений в тот период подробно раскрыта в историографии [см., например: Goh, 2005; Caldwell, 2009; Tudda, 2012]. Переход Вашингтона от конфронтации к сближению с КНР происходил на фоне усугублявшихся сложностей США во Вьетнаме, роста международного влияния СССР, а также набиравшего обороты советско-китайского конфликта. В контексте Кореи одним из индикаторов урегулирования отношений США и КНР стала реакция Пекина на уничтожение американского раз-

[32] См., например: National Security Council Memorandum for Secretary Kissinger from W.R. Smyser and D.D. Elliott 'Development of U.S. policy toward South Korean development of Nuclear Weapons', February 28, 1975 // National Security Archive. Available at: https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3513496/Document-06-U-S-Embassy-Seoul-telegram-8023-to.pdf (accessed: 05.03.2025); U.S. Embassy Seoul telegram 1239 to Department of State, 'Non-proliferation Treaty', 26 February, 1975 // Ibidem. Available at: http://nsarchive.gwu.edu/dc.html?doc=3513498-Document-08-U-S-Embassy-Seoul-telegram-1239-to (accessed: 05.03.2025).

ведывательного самолета ЕС-121[33]. Советник президента США по национальной безопасности Г. Киссинджер отметил в то время, что китайцы не одобрили действия своего союзника[34].

Корейский вопрос поднимался на переговорах Г. Киссинджера с главой Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в 1971 г. Пекин добивался гарантий вывода американских войск из Кореи в качестве одного из условий урегулирования отношений. В ответ госсекретарь США подчеркнул зависимость дислокации войск от положения дел в регионе в целом. По его мнению, успешное завершение войны в Индокитае и развитие американо-китайских отношений позволили бы вывести из Кореи большую часть американских войск до конца второго президентского срока Р. Никсона. Г. Киссинджер также акцентировал внимание на заинтересованности США в поддержании стабильности на полуострове и подчеркнул, что выступает против любых планов нападения Южной Кореи на Северную [Yafeng, Zhihua, 2014: 1091–1092].

Президент Р. Никсон в ходе визита в КНР зимой 1972 г. заявил о недопустимости перерастания корейского конфликта в полномасштабную войну. В принятом по итогам визита Шанхайском коммюнике постулировалось, что Вашингтон продолжит поддерживать тесные связи с Республикой Корея и действия ее правительства по снижению уровня напряженности и активизации диалога на полуострове[35]. Что касается первоначального требования китайцев о выводе американских войск, то оно быстро отошло на второй план. По мнению Пхеньяна, Пекин не прикладывал достаточных усилий в этом направлении [Yafeng, Zhihua, 2014: 1098–1099].

Соответствующее интересам США влияние КНР на ситуацию в Корее проявилось в апреле 1975 г., когда Ким Ир Сен неожиданно совершил официальный визит в Пекин, который был организован в кратчайшие сроки. Многие иностранные наблюдатели связали это

[33] 15 апреля 1969 г. пара северокорейских истребителей сбила находившийся в 167 км от побережья КНДР американский разведывательный самолет ЕС-121 [см. подробнее: Садаков, 2023].

[34] Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon, April 29, 1969 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d11 (accessed: 05.03.2025).

[35] Joint Communique between the United States and China, February 27, 1972 // Zhou Enlai Peace Institute. Available at: http://www.zhouenlaipeaceinstitute.org/wp-content/uploads/2022/03/ShanghaI-Communique-Original-en.pdf (accessed: 05.03.2025).

событие с решающими победами северовьетнамской армии в ходе Весеннего наступления, которое фактически положило конец Вьетнамской войне. Считалось весьма вероятным, что северокорейский лидер привез на согласование план нападения КНДР на Южную Корею. Среди работавших на Корейском полуострове дипломатов социалистических стран утвердилось мнение, что китайцы отговорили корейцев от наиболее авантюристических шагов, хотя и предложили им военную, политическую и дипломатическую поддержку в иных начинаниях. Сходное впечатление произвели итоги визита и на американских дипломатов[36].

В целом к началу 1970-х годов власти КНР всё активнее стали прибегать к прагматичному и многоплановому подходу к корейской проблематике. Большое внимание уделялось поддержанию региональной стабильности и долгосрочной безопасности. Переговоры с Вашингтоном показали готовность Пекина обеспечивать стабильность на полуострове, выступая против радикальных действий и обострения конфликта. Сближение Китая и США, подтвержденное Шанхайским коммюнике, задало новый формат отношений, в котором Пекин играл роль стабилизирующего фактора и потенциального посредника в регионе. Этот процесс также способствовал размыванию жесткой биполярной структуры, сделав возможным переход к многополярной системе, где влияние КНР как самостоятельной силы, поддерживающей баланс между мировыми державами и региональными игроками, росло.

Тем временем к 1973 г. цели США в Корее были скорректированы с учетом изменившейся ситуации. Сотрудники готовившей соответствующий меморандум межведомственной рабочей группы выражали надежду на то, что спустя два десятилетия жесткой межкорейской конфронтации на полуострове наконец-то появился шанс на полноценную разрядку напряженности. Авторы документа

[36] Record regarding Kim Il Sung's visit in Beijing (18–26 April 1975), April 26, 1975 // Wilson Center. Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208552 (accessed: 05.03.2025); Summarized evaluation of Kim Il Sung's visit to the PR China (18 to 26 April 1975), May 6, 1975 // Ibidem. Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114125 (accessed: 05.03.2025); South Korean telegrams on visit to China by North Korean leader Kim Il Sung, May 1975 // Ibidem. Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/114589 (accessed: 05.03.2025); United States Liaison Office. China. Confidential, cable, April 28. 1975 // ProQuest. Available at: https://www.proquest.com/dnsa/docview/1679061436/F834C97F53DC4A20PQ/ (accessed: 05.03.2025).

отмечали, что, несмотря на особый характер отношений, сложившихся между Соединенными Штатами и Республикой Корея, ключевой целью Вашингтона является предотвращение конфликтов между США, Японией, СССР и КНР из-за этой страны. Кроме того, американцы не желали прихода к власти на Юге враждебных им сил. Ключевые задачи Соединенных Штатов — предотвращение возобновления боевых действий и поддержание баланса интересов великих держав в регионе — впоследствии открыто декларировал и посол США в Сеуле Ф. Хабиб [Habib, 1974: 302–303]. В Вашингтоне допускали различную степень вовлеченности США в корейские дела — от передачи инициативы властям Юга до активного участия в переговорах с великими державами по корейскому вопросу[37]. При этом в Сеуле настаивали на критическом значении сохранения военного присутствия США в Корее для поддержания регионального баланса сил[38].

Важно учитывать, что происходившее постепенное размывание биполярности было следствием политики США по снижению степени своего непосредственного участия в корейских делах, но не ее целью. Тем не менее кумулятивный эффект от действий Вашингтона был весьма существенным. Если формирование региональной биполярности происходило за счет складывания противостоявшей коммунистам коалиции стран «свободного мира», то ее размывание было связано с окончательным превращением в атавизм этого многостороннего союза. Значительная часть партнеров США по коалиции ООН вывели свои силы из Кореи еще в 1950-х годах, при этом неамериканское военное присутствие на полуострове сохранялось еще в течение долгого времени. В 1975 г. власти Таиланда, одного из последних государств — членов коалиции ООН, которое сохраняло присутствие военного контингента в Корее, приняли решение вывести с полуострова своих военнослужащих. Тем самым Командование силами ООН окончательно теряло свои функции за рамками американо-южнокорейских отношений [Lee, 2013: 205].

[37] National Security Study Memorandum 154 'United States policy concerning the Korean Peninsula', April 6, 1973 // Richard Nixon Presidential Library and Museum. P. 2–4. Available at: https://www.nixonlibrary.gov/sites/default/files/virtuallibrary/documents/nssm/nssm_154.pdf (accessed: 05.03.2025).

[38] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 102. Оп. 34. П. 71. Д. 18. Л. 1.

На фоне требований коммунистов о роспуске Командования ООН и полном выводе иностранных войск из Кореи американская сторона заявила о готовности обсуждать будущее Командования ООН, но только «в конструктивном ключе». Под этим подразумевались одновременное вступление КНДР и Республики Корея в ООН и четырехсторонняя работа над условиями поддержания мира на полуострове. Таким образом, речь вновь шла о целенаправленном фиксировании сложившегося положения с одновременным снижением сопутствующих издержек США. Американские предложения не могли встретить сочувственное отношение у коммунистов, которые продолжали настаивать на роспуске Командования ООН и выводе с территории полуострова иностранных войск [The Carter chill…, 2013: 216, 233, 234, 407]. На фоне провала переговоров Объединенное командование силами США и Республики Корея начало свою работу в ноябре 1978 г.[39] [The Carter chill…, 2013: 427]. Командование ООН продолжило действовать параллельно, однако его сотрудники стали постепенно сосредотачиваться на дипломатических функциях и обеспечении режима перемирия, в то время как военные задачи перешли к руководству американо-корейскими объединенными силами.

К середине 1970-х годов процесс размывания региональной биполярности активизировался и за счет инициатив корейских государств. В 1975 г. Пхеньян решил одну из своих ключевых внешнеполитических задач: КНДР вступила в Движение неприсоединения [Armstrong, 2013: 179–180]. Контакты с СССР и его союзниками на этом фоне, напротив, становились менее интенсивными[40].

С точки зрения руководства США, по своему значению вступление КНДР в Движение неприсоединения было равнозначно дипломатической катастрофе и гарантировало северянам дополнительные голоса в Генеральной Ассамблее ООН по выдвигаемым ими инициативам[41]. Вашингтон пытался саботировать вступление

[39] Combined Forces Command // USFK. Available at: https://www.usfk.mil/About/CFC/ (accessed: 05.03.2025); АВП РФ. Ф. 102. Оп. 39. П. 87. Д. 24. Л. 2.

[40] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 68. Д. 1867. Л. 20–21; Message from the President of the Democratic People's Republic of Korea, Kim Il Sung, to the President of the [Socialist Federal] Republic [of Yugoslavia], Josip Broz Tito, June 28, 1975 // Wilson Center. Available at: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/208686 (accessed: 05.03.2025).

[41] Memorandum of conversation, Washington, March 27, 1975 // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/

КНДР в Движение неприсоединения, указать его членам на то, что Северная Корея по факту не является неприсоединившимся государством[42], однако эти меры не дали ожидаемого эффекта[43] — влияние США на Движение было ограниченным. Попытка Юга вступить в данную организацию в том же году потерпела фиаско из-за непопулярности репрессивного режима южнокорейского президента Пак Чон Хи на международной арене[44]. Вопреки ожиданиям США и Великобритании, пытавшихся лоббировать «нужный» взгляд на корейский вопрос[45], Конференция неприсоединившихся стран в Коломбо в августе 1976 г. стала значительным успехом северокорейской дипломатии. В ходе этой конференции северяне подчеркнуто выступали против роли великих держав в международных отношениях. Представитель КНДР Пак Сен Чер, в частности, сделал заявление, воспринятое советскими дипломатами как двусмысленное: «Нам нельзя допустить, чтобы великие державы по своему усмотрению вершили судьбы малых стран и приносили их в жертву»[46].

По итогам конференции по корейскому вопросу было принято отдельное заявление, в основном отражавшее позицию КНДР. По оценкам советского посольства в Пхеньяне, северокорейская дипломатия получила максимально возможную международную поддержку перед грядущей сессией ГА ООН[47]. Однако, несмотря на затраченные КНДР усилия, в 1976 г. США удалось добиться снятия вопроса о Корее с рассмотрения Генеральной Ассамблеи. Многие из правительств, с которыми Вашингтон контактировал с этой целью, выразили готовность поддержать позицию США во избежание

d265 (accessed: 05.03.2025); Memorandum of conversation, Washington, March 28, 1975 // Ibidem. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve12/d201 (accessed: 05.03.2025).

[42] Memorandum of conversation, Washington, March 27, 1975…; Korea at Non-Aligned Conference, August 21, 1975 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1975LAGOS08125_b.html (accessed: 05.03.2025).

[43] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1867. Л. 20.

[44] АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. П. 77. Д. 21. Л. 83.

[45] FonOff thoughts on Colombo summit and Korea initiative, July 28, 1976 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976TOKYO11360_b.html (accessed: 05.03.2025).

[46] АВП РФ. Ф. 102. Оп. 36. П. 77. Д. 21. Л. 232; Multilateral diplomacy: Korea and beyond, September 22, 1976 // WikiLeaks. Available at: https://wikileaks.org/plusd/cables/1976STATE234389_b.html (accessed: 05.03.2025).

[47] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 184–186, 196.

конфронтации великих держав и осложнения развивавшегося в тот период межкорейского диалога[48]. В Сеуле это было воспринято как успех южнокорейской дипломатии[49].

Размывание региональной биполярности сказывалось и на позициях, и на политике СССР в регионе. В условиях обострения советско-китайских отношений в конце 1950-х годов власти КНДР балансировали между СССР и Китаем, стремясь не зависеть ни от одной из сторон. При этом Пекин поддерживал Ким Ир Сена в его политике укрепления независимости от Москвы. Сказывалось и постепенное снижение советской экономической помощи Корее в 1960-х годах. Ослабление советского военного влияния в конце 1960-х — 1970-х годах сопровождалось сокращением поставок оружия и военной техники из Москвы. Вместо этого КНДР сосредоточилась на развитии собственной военной промышленности, что укрепляло ее оборонную автономию. Нормализация отношений между КНР и США, начавшаяся с визита Р. Никсона в Китай в 1972 г., создала новые вызовы для советской региональной политики. Несмотря на сложные отношения с КНДР, СССР смог сохранить значимое влияние в регионе, однако масштаб советско-северокорейских связей значительно уступал таковому образца 1950-х годов. В середине 1970-х годов советские дипломаты также обращали внимание на то, что Пхеньян не смущало молчаливое одобрение Пекином политики США в регионе. При этом курс Вашингтона в Азии неразрывно увязывался с динамикой американо-китайских отношений[50].

В целом постепенное размывание биполярности в 1960–1970-е годы в регионе Корейского полуострова стало результатом изменения стратегических приоритетов США, сближения Вашингтона и Пекина и возрастания самостоятельности региональных игроков. Белый дом стремился снизить экономическую и военную нагрузку, перераспределяя обязательства между своими союзниками — Японией и Южной Кореей. С течением времени стабилизирующую роль в регионе стал играть Китай, власти которого избегали односторонней поддержки действий Пхеньяна. Дипломатическое сближение

[48] Paper prepared by the National Security Council Staff // Office of the Historian. Available at: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v19p1/d152 (accessed: 05.03.2025).

[49] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 232; Multilateral diplomacy: Korea and beyond, September 22, 1976…

[50] АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 32. П. 137. Д. 17. Л. 56–58.

США и Китая, зафиксированное в Шанхайском коммюнике 1972 г., существенно изменило региональный баланс сил. Южная и Северная Корея также предпринимали попытки уменьшения зависимости от внешних игроков, развивая собственный военный потенциал и ведя активную внешнюю политику. В целом региональная система сместилась от жесткого противостояния двух блоков к более многополярной структуре, в которой США, СССР, КНР, Япония и корейские государства искали баланс между конкуренцией и сотрудничеством.

* * *

Уникальность ситуации в регионе Корейского полуострова в 1940–1970-е годы определялась тем, что Соединенные Штаты стремились к снижению степени своей вовлеченности в корейские дела, но при этом были связаны историческими обстоятельствами, соображениями престижа, а также первоначальной слабостью южнокорейского режима. В этих условиях Вашингтон сознательно решал свои задачи за счет повышения роли в региональной политике новых акторов. Ими могли быть как национальные государства (Япония и Республика Корея), так и международные структуры (ООН). При этом американскому руководству приходилось допускать своих союзников к принятию решений на корейском направлении. В частности, союзники США по коалиции ООН сыграли большую роль в подготовке и проведении Женевской конференции 1954 г., а Япония наряду с экономическими преференциями получила возможность оказывать влияние на позицию Вашингтона по вопросу о выводе войск Соединенных Штатов из Кореи.

Прямое вовлечение КНР в процесс корейского урегулирования первоначально произошло вопреки желаниям США. Однако с течением времени американцы сами стали использовать китайский фактор для оказания влияния на северокорейский режим и снижения региональной напряженности в своих интересах.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов одним из результатов политики США стало размывание биполярности, первоначально характерной для системы международных отношений вокруг Кореи. Вашингтон целенаправленно содействовал росту влияния Японии в экономическом развитии Южной Кореи и стремился к уменьшению своего прямого военного присутствия на Корейском полуострове. Дополнительным обстоятельством была высокая доля

самостоятельности властей КНДР и Республики Корея. Ключевым же фактором стало наличие третьего полюса — Китайской Народной Республики, поддерживавшей с двумя сверхдержавами сложные отношения.

СССР в условиях размывания биполярности столкнулся со снижением своего влияния на Корейском полуострове. Поддерживая КНДР как стратегического партнера, Москва не смогла предотвратить ее идеологическую и политическую автономизацию, усилившуюся на фоне советско-китайского раскола. Дополнительным вызовом стало сближение КНР и США, что также ослабило позиции СССР в регионе. В результате Москва оказалась ограничена в своих возможностях влиять на формировавшуюся многополярную региональную структуру, где относительно советской усиливалась роль США.

Всё это создало уникальный политический контекст, при котором региональную стабильность гарантировало сосуществование целого ряда разнонаправленных сил, балансируемых при активном участии Соединенных Штатов. Данная стратегия позволила Вашингтону укрепить свои позиции в Южной Корее и добиться стабилизации ситуации в регионе Корейского полуострова, со временем включив Сеул в систему американоцентричных связей, союзов, институтов, позволяющих контролировать региональные (а через них и глобальные) политические процессы.

В настоящее время результаты избранных в середине XX в. подходов остаются актуальными для США. Южная Корея прочно встроена в систему союзнических отношений с Вашингтоном, что обеспечивает ей стратегическое прикрытие в условиях сохраняющейся напряженности в отношениях с КНДР. С 1970-х годов существенно возросла региональная роль Китая, сначала распался, а затем был восстановлен российско-северокорейский союз, периодически вспыхивает внутриполитическая нестабильность на Юге Кореи, через несколько циклов потепления–охлаждения прошли межкорейские отношения. При этом Соединенные Штаты в своей политике на данном направлении сохраняют высокую способность к адаптации, в зависимости от ситуации и собственных интересов активизируя контакты с теми или иными странами региона, включая КНДР. Всё это подтверждает долгосрочный характер их стратегического присутствия на Корейском полуострове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов К.В. Генерал Пак Чон Хи: Очерк политической биографии // Правоведение и политология. 21.09.2008. Доступ: https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/к-асмолов-генерал-пак-чон-хи/ (дата обращения: 05.03.2025).

2. Воронцов А.В. «Треугольник» США — Япония — Южная Корея. М.: Наука, 1991.

3. Дьячков И.В. Ядерная программа Южной Кореи: генезис, развитие, влияние на регион // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 9 (137). С. 144–152.

4. Иванов В.В. Основные причины ввода КНР группировок Китайских народных добровольцев в Корейскую Народно-Демократическую Республику, октябрь 1950 г. // Восток–Запад: история и современность: Ежегодник / Отв. ред. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2022. С. 41–48.

5. Иванов В.В. Основные тактические приемы пехотных подразделений Китайских народных добровольцев на начальном этапе войны в Корее 1950–1953 гг. (по воспоминаниям участников событий) // Россия и Китай: мысли о прошлом, взгляд в будущее: Материалы международной научной конференции / Под общ. ред. А.П. Кошкина. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2020. С. 306–318.

6. Ки Кван Со. Московское совещание министров иностранных дел (декабрь 1945 г.) и раскол Кореи // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 97–108.

7. Корейское урегулирование и интересы России / Под ред. В.И. Денисова, А.З. Жебина. М.: Русская панорама, 2008.

8. Кременюк В.А., Лукин В.П. Эволюция азиатской политики США после Второй мировой войны // Вопросы истории. 1978. № 7. С. 66–83.

9. Петухов В.И. У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М.: Наука, 1987.

10. Политика США в странах Дальнего Востока (Япония, Южная Корея) / Отв. ред. Г.Л. Бондаревский. М.: Наука, 1964.

11. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. М.: Кучково поле, 2005.

12. Садаков Д.А. Политика США в отношении Кореи в 1941–1950 гг.: Дисс. … канд. ист. наук. Киров, 2017.

13. Садаков Д.А. Политика США по нуклеаризации Корейского полуострова в 1956–1957 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 3. С. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6.

14. Садаков Д.А. Принципы организации и результаты советско-американского взаимодействия в процессе корейского урегулирования в 1943–1947 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 23–37. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.022.

15. Садаков Д.А. Трудный выбор между сдержанностью и возмездием: американо-северокорейский инцидент с самолетом ЕС-121, 1969 г. // Корееведение. 2023. № 1 (2). С. 41–51. DOI: 10.48647/ICCA.2023.94.22.004.

16. Садаков Д.А. Фиксирование раскола Кореи американцами в 1948 г.: причины, методы и роль ООН // Корея перед новыми вызовами / Отв. ред. А.З. Жебин. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2017. С. 196–209.

17. Садаков Д.А., Юнгблюд В.Т. США и умиротворение Ли Сын Мана в преддверии Женевской конференции 1954 г. // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2019. Т. 10. № 11 (85). Доступ: https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/ (дата обращения: 05.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840008095-3.

18. Стьюк У. Корейская война. М.: АСТ, 2002.

19. Тихомиров В.Д. Корейская проблема и международные факторы (1945 — начало 80-х годов). М.: Восточная литература, 1998.

20. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного реагирования // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

21. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. «Усложняющий фактор»? Коалиционная дипломатия США в Корейском вопросе. Опыт Женевской конференции 1954 г. // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 4 (63). С. 81–107. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.7.

22. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030.

23. Armstrong Ch.K. Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

24. Brazinsky G.A. Winning the Third World: Sino-American rivalry during the Cold War. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2017.

25. Caldwell D. The legitimation of the Nixon-Kissinger grand design and grand strategy // Diplomatic History. 2009. Vol. 33. No. 4. P. 633–652. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2009.00801.x.

26. The Carter chill: US–ROK–DPRK trilateral relations, 1976–1979 / Ed. by C.F. Ostermann, J. Person, Ch. Kraus. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

27. Cha V.D. Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2016.

28. Chen J. Mao's China and the Cold War. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001.

29. Cumings B. The origins of the Korean war. In 2 vols. Vol. 1. Liberation and the emergence of separate regimes, 1945–1947. Seoul: Yuksabipyungsa, 2002.

30. Deane H. The Korean War, 1945–1953. San Francisco: China Books, 1999.

31. Friedman J. Shadow Cold War: The Sino-Soviet competition for the Third World. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2015.

32. Goh E. Nixon, Kissinger, and the «Soviet card» in the U.S. opening to China, 1971–1974 // Diplomatic History. 2005. Vol. 29. No. 3. P. 475–502. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2005.00500.x.

33. Habib Ph.C. US policy toward Korea // Asian Affairs. 1974. Vol. 1. No. 5. P. 302–305.

34. Halliday J. The United Nations and Korea // Without parallel: The American-Korean relationship since 1945 / Ed. by F. Baldwin. New York: Pantheon books, 1974. P. 109–142.

35. Jongsuk Ch. Unequal partners in peace and war: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953. Westport: Greenwood Publishing Group, 2002.

36. Lee S.H. The Korean armistice and the end of peace: The US-UN coalition and the dynamics of war-making in Korea, 1953–76 // Journal of Korean Studies. 2013. Vol. 18. No. 2. P. 183–224. DOI: 10.1353/jks.2013.0018.

37. Lee S.H. Outposts of empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995.

38. Matray J.I. Dean Acheson's press club speech reexamined // The Journal of Conflict Studies. 2002. Vol. 22. No. 1. P. 28–55.

39. Nichols M.R. The Chinese Communist intervention in the Korean War: An exercise in analyzing document // OAH Magazine of History. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 37–39.

40. Oberdorfer D. The two Koreas: A contemporary history. New York: Basic Books, 2001.

41. O'Neill M. Soviet involvement in the Korean War: A new view from the Soviet-era archives // OAH Magazine of History. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 20–24.

42. Tudda C. A Cold War turning point: Nixon and China, 1969–1972. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2012.

43. Wagner R.H. What was bipolarity? // International Organization. 1993. Vol. 47. No. 1. P. 77–106. DOI: 10.1017/S0020818300004719.

44. Weathersby K. Soviet aims in Korea and the origins of the Korean war, 1945–1950: New evidence from Russian archives. Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1993.

45. Yafeng X., Zhihua Sh. China's last ally: Beijing's policy toward North Korea during the U.S.-China rapprochement, 1970–1975 // Diplomatic History. 2014. Vol. 38. No. 5. P. 1083–1113. DOI: 10.1093/dh/dht120.

46. Zhihua Sh., Yafeng X. Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945–1959: A new history. New York: Lexington Books, 2015.

47. Zornow W.F. America at mid-century: The Truman administration, the Eisenhower administration. Cleveland: H. Allen, 1959.

REFERENCES

1. Asmolov K.V. 2008. *General Pak Chon Khi: Ocherk politicheskoi biografii* [General Park Chung Hee: An outline of political biography]. Pravovedenie i politologiya. Available at: https://pravo33.wordpress.com/2008/09/21/k-asmolov-general-pak-chon-khi/ (data accessed: 05.03.2025). (In Russ.)

2. Vorontsov A.V. 1991. *'Treugol'nik' SShA — Yaponiya — Yuzhnaya Koreya* [The USA — Japan — South Korea 'triangle']. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

3. D'yachkov I.V. 2014. Yadernaya programma Yuzhnoi Korei: genezis, razvitie, vliyanie na region [South Korean nuclear program: Genesis, development, regional repercussions]. *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 9 (137), pp. 144–152. (In Russ.)

4. Ivanov V.V. 2022. Osnovnye prichiny vvoda KNR gruppirovok Kitaiskikh narodnykh dobrovol'tsev v Koreiskuyu Narodno-Demokraticheskuyu Respubliku, oktyabr' 1950 g. [The main reasons for the entry of the PRC groupings of Chinese people's volunteers to the Democratic People's Republic of Korea, October 1950]. In: Kuznetsov D.V. (ed.). *Vostok–Zapad: istoriya i sovremennost': Ezhegodnik* [East-West: History and modernity: Yearbook]. Blagoveshchensk, Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ., pp. 41–48. (In Russ.)

5. Ivanov V.V. 2020. Osnovnye takticheskie priemy pekhotnykh podrazdelenii Kitaiskikh narodnykh dobrovol'tsev na nachal'nom etape voiny v Koree 1950–1953 gg. (po vospominaniyam uchastnikov sobytii) [The basic tactical methods of the infantry units of the Chinese people's volunteers at the beginning stage of the war in Korea 1950–1953 (according to the membership of the events)]. In: Koshkin A.P. (ed.). *Rossiya i Kitai: mysli o proshlom, vzglyad v budushchee: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russia and China: Thinking about the past, looking into the future: Proceedings of the International scientific conference]. Komsomol'sk-na-Amure, Amurskii gumanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 306–318. (In Russ.)

6. Ki Kvan So. 1997. Moskovskoe soveshchanie ministrov inostrannykh del (dekabr' 1945 g.) i raskol Korei [The Moscow meeting of foreign ministers (December 1945) and the split of Korea]. *Far Eastern Studies*, no. 5, pp. 97–108. (In Russ.)

7. Denisov V.I., Zhebin A.Z. (eds.). 2008. *Koreiskoe uregulirovanie i interesy Rossii* [The Korean settlement and the interests of Russia]. Moscow, Russkaya panorama Publ. (In Russ.)

8. Kremenyuk V.A., Lukin V.P. 1978. Evolyutsiya aziatskoi politiki SShA posle Vtoroi mirovoi voiny [The evolution of U.S.'s Asian policy after World War II]. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 66–83. (In Russ.)

9. Petukhov V.I. 1987. *U istokov bor'by za edinstvo i nezavisimost' Korei* [At the origins of the struggle for the unity and independence of Korea]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

10. Bondarevskii G.L. (ed.). 1964. *Politika SShA v stranakh Dal'nego Vostoka (Yaponiya, Yuzhnaya Koreya)* [U.S. policy in the countries of the Far East (Japan, South Korea)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Popov I.M., Lavrenov S.Ya., Bogdanov V.N. 2005. *Koreya v ogne voiny* [Korea in the flames of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)

12. Sadakov D.A. 2017a. *Politika SShA v otnoshenii Korei v 1941–1950 gg.* [U.S. policy towards Korea in 1941–1950]. PhD Thesis. Kirov. (In Russ.)

13. Sadakov D.A. 2021. Politika SShA po nuklearizatsii Koreiskogo poluostrova v 1956–1957 gg. [U.S. policy on the nuclearization of the Korean Peninsula in 1956–1957]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 51, no. 3, pp. 110–122. DOI: 10.31857/S268667300013924-6. (In Russ.)

14. Sadakov D.A. 2018. Printsipy organizatsii i rezul'taty sovetsko-amerikanskogo vzaimodeistviya v protsesse koreiskogo uregulirovaniya v 1943–1947 gg. [US-Soviet dialogue on the Korean settlement in 1943–1947: Basic principles and results]. *Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, vol. 20, no. 2 (175), pp. 23–37. DOI: 10.15826/izv2.2018.20.2.022. (In Russ.)

15. Sadakov D.A. 2023. Trudnyi vybor mezhdu sderzhannost'yu i vozmezdiem: amerikano-severokoreiskii intsident s samoletom EC-121, 1969 g. [The hard choice between restraint and retaliation: 1969 EC-121 shootdown incident]. *Koreanology*, no. 1 (2), pp. 41–51. DOI: 10.48647/ICCA.2023.94.22.004. (In Russ.)

16. Sadakov D.A. 2017b. Fiksirovanie raskola Korei amerikantsami v 1948 g.: prichiny, metody i rol' OON [Fixation of Korea's division in 1948: American reasons, methods and role of UN]. In: Zhebin A.Z. (ed.). *Koreya pered novymi vyzovami* [Korea facing new challenges]. Moscow, Institut Dal'nego Vostoka RAN Publ., pp. 196–209. (In Russ.)

17. Sadakov D.A., Yungblyud V.T. 2019. SShA i umirotvorenie Li Syn Mana v preddverii Zhenevskoi konferentsii 1954 g. [US policy of appeasement towards Syngman Rhee in the run-up to the 1954 Geneva conference]. *Istoriya*, vol. 10, no. 11 (85). Available at: https://history.jes.su/s207987840008095-3-1/ (accessed: 05.03.2025). DOI: 10.18254/S207987840008095-3. (In Russ.)

18. Stueck W.W. 1995. *The Korean War: An international history.* Princeton, Princeton University Press [Russ. ed.: St'yuk U. 2002. Koreiskaya voina. Moscow, AST Publ.]. (In Russ.)

19. Tikhomirov V.D. 1998. *Koreiskaya problema i mezhdunarodnye faktory (1945 — nachalo 80-kh godov)* [The Korean problem and international factors (1945 — early 80s).]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ. (In Russ.)

20. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2018. Diplomaticheskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Koreiskuyu voinu. Opyt krizisnogo reagirovaniya [Diplomatic support of US involvement in the Korean War June 25 — July 6 1950: Crisis response experience]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (61), pp. 241–261. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261. (In Russ.)

21. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2020a. 'Uslozhnyayushchii faktor'? Koalitsionnaya diplomatiya SShA v Koreiskom voprose. Opyt Zhenevskoi konferentsii 1954 g. [US coalition diplomacy on the Korean issue: Record of the Geneva conference of 1954]. *International Trends*, vol. 18, no. 4 (63), pp. 81–107. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.7. (In Russ.)

22. Yungblyud V.T., Sadakov D.A. 2020b. Yapono-koreiskoe uregulirovanie v politike SShA, 1953–1965 gg. [Japan-Korea settlement in US policy, 1953–1965]. *Japanese Studies in Russia*, no. 4, pp. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030. (In Russ.)

23. Armstrong Ch.K. 2013. *Tyranny of the weak: North Korea and the world, 1950–1992*. Ithaca, Cornell University Press.

24. Brazinsky G.A. 2017. *Winning the Third World: Sino-American rivalry during the Cold War*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

25. Caldwell D. 2009. The legitimation of the Nixon-Kissinger grand design and grand strategy. *Diplomatic History*, vol. 33, no. 4, pp. 633–652. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2009.00801.x.

26. Ostermann C.F., Person J., Kraus Ch. (eds.). 2013. *The Carter chill: US–ROK–DPRK trilateral relations, 1976–1979*. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center for Scholars.

27. Cha V.D. 2016. *Powerplay: Origins of the U.S. alliance system in Asia*. Princeton, Princeton University Press.

28. Chen J. 2001. *Mao's China and the Cold War*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

29. Cumings B. 2002. *The origins of the Korean war. In 2 vols. Vol. 1. Liberation and the emergence of separate regimes, 1945–1947*. Seoul, Yuksabipyungsa.

30. Deane H. 1999. *The Korean War, 1945–1953*. San Francisco, China Books.

31. Friedman J. 2015. *Shadow Cold War: The Sino-Soviet competition for the Third World*. Chapel Hill, The University of North Carolina Press.

32. Goh E. 2005. Nixon, Kissinger, and the 'Soviet card' in the U.S. opening to China, 1971–1974. *Diplomatic History*, vol. 29, no. 3, pp. 475–502. DOI: 10.1111/j.1467-7709.2005.00500.x.

33. Habib Ph.C. 1974. US policy toward Korea. *Asian Affairs*, vol. 1, no. 5, pp. 302–305.

34. Halliday J. 1974. The United Nations and Korea. In: Baldwin F. (ed.). *Without parallel: The American-Korean relationship since 1945*. New York, Pantheon books, pp. 109–142.

35. Jongsuk Ch. 2002. *Unequal partners in peace and war: The Republic of Korea and the United States, 1948–1953*. Westport, Greenwood Publishing Group.

36. Lee S.H. 2013. The Korean armistice and the end of peace: The US-UN coalition and the dynamics of war-making in Korea, 1953–76. *Journal of Korean Studies*, vol. 18, no. 2, pp. 183–224. DOI: 10.1353/jks.2013.0018.

37. Lee S.H. 1995. *Outposts of empire: Korea, Vietnam and the origins of the Cold War in Asia, 1949–1954*. Montreal, McGill-Queen's University Press.

38. Matray J.I. 2002. Dean Acheson's press club speech reexamined. *The Journal of Conflict Studies*, vol. 22, no. 1, pp. 28–55.

39. Nichols M.R. 2000. The Chinese Communist intervention in the Korean War: An exercise in analyzing document. *OAH Magazine of History*, vol. 14, no. 3, pp. 37–39.

40. Oberdorfer D. 2001. *The two Koreas: A contemporary history*. New York, Basic Books.

41. O'Neill M. 2000. Soviet involvement in the Korean War: A new view from the Soviet-era archives. *OAH Magazine of History*, vol. 14, no. 3, pp. 20–24.

42. Tudda C. 2012. *A Cold War turning point: Nixon and China, 1969–1972*. Baton Rouge, Louisiana State University Press.

43. Wagner R.H. 1993. What was bipolarity? *International Organization*, vol. 47, no. 1, pp. 77–106. DOI: 10.1017/S0020818300004719.

44. Weathersby K. 1993. *Soviet aims in Korea and the origins of the Korean war, 1945–1950: New evidence from Russian archives*. Cold War International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars.

45. Yafeng X., Zhihua Sh. 2014. China's last ally: Beijing's policy toward North Korea during the U.S.-China rapprochement, 1970–1975. *Diplomatic History*, vol. 38, no. 5, pp. 1083–1113. DOI: 10.1093/dh/dht120.

46. Zhihua Sh., Yafeng X. 2015. *Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945–1959: A new history*. New York, Lexington Books.

47. Zornow W.F. 1959. *America at mid-century: The Truman administration, the Eisenhower administration*. Cleveland, H. Allen.

Статья поступила в редакцию 16.11.2024;
одобрена после рецензирования 03.03.2025;
принята к публикации 25.03.2025

The paper was submitted 16.11.2024;
approved after reviewing 03.03.2025;
accepted for publication 25.03.2025